

Література

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика. – М. : Прогресс, 1989. – С. 413–423.
2. Гундорова Т. Проявлення слова. Дискурсія раннього українського модернізму. Постмодерна інтерпретація / Т. Гундорова. – Л. : [б. в.], 1997.
3. Денисова Т. Феномен постмодернізму: контури і орієнтири / Т. Денисова // Слово і час. – 1995. – № 2. – С. 18–27.
4. Эко У. Заметки на полях “Имени розы” / У. Эко // Имя розы. – М. : Книж. палата, 1989. – С. 425–467.
5. Ильин И. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. Ильин. – М. : [б. и.], 1996.
6. Переломова О. С. Інтертекстуальність сучасного фемінного художнього дискурсу (спостереження за структурою тексту повісті О. Забужко “Інопланетянка”) / О. С. Переломова // Вісн. СумДУ. – № 11 (95). – 2006. – Т. 1. – С. 89–93.
7. Бахтин М. Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве / М. Бахтин // Работы 1920-х годов. – Киев : [б. и.], 1994.
8. Святе Письмо Старого і Нового Завіту / пер. П. О. Куліша, І. С. Левіцького, І. Пулюя. – London : Trinitarian Bible Society, 2000.
9. Bork Carol Denise The narrative in suspense-women at the intersection of feminism and postmodernism in the late-twentieth-century novel // Thesis ... Ph. D. – New Jersey, 2003. – 357 p.
10. Hutcheon Linda Coda, incredulity toward metanarrative. Negotiating Postmodernism and feminisms // Ambiguous discourse : feminist narratology and British women writers. ed. Kathy Mezei. – The University of North Carolina Press. – P. 264.
11. Sternlieb Lisa Ruth. Textual power. Female narration in the British novel // Thesis ... Ph. D. – Princeton : Princeton University, 1997. – 245 p.
12. The Holy Bible. The new King James Version. American Bible Society. – New York, 1990. – 1206 p.
13. Winterson Jeanette. Oranges Are Not the Only Fruit. – 1985. – 144 p.

УДК 371.3

*Гульнара Юстинская***ИНТЕРТЕКСТ И “ДВОЙСТВЕННОСТЬ” ПОЗИЦИИ ЧИТАТЕЛЯ**

В статье рассматриваются проблемы бартовской множественности текста и “двойственности” позиции читателя по отношению к произведению, который, во-первых, должен стать объектом художественной коммуникации, во-вторых,

видеть само произведение как объект, находящийся в окружении других аналогичных объектов. Показаны результаты современных исследований проблемы изучения теории “источников”, процедуры “чтения” и интерпретации текста. Кратко описаны отличительные особенности позиций М. Бахтина и Р. Барта, Ю. Кристевой и И. Ильина относительно пространственной многолинейности текста.

Ключевые слова: интертекст, “двойственность” позиции, процедура “чтения”.

Юстинська Гульнара. Интертекст і “подвійність” позиції читача. У статті висвітлено проблеми бартовської множинності тексту й “подвійності” позиції читача стосовно твору, який, по-перше, має стати об’єктом художньої комунікації, по-друге, бачити сам твір як об’єкт, що перебуває в оточенні інших аналогічних об’єктів. Показано результати сучасних досліджень проблеми вивчення теорії “джерел”, процедури “читання” й інтерпретації тексту. Стисло описано відмінності позицій М. Бахтіна і Р. Барта, Ю. Кристевой та І. Ільїна щодо просторової багатолінійності тексту.

Ключові слова: інтертекст, “подвійність” позиції, процедура “читання”.

Yustinskaya Gulnara. The Intertext and the “Duality” of Reader Position. This report shows the results of modern researches in the “source” theory in the literature studies. The peculiarities of Bakhtin’s and Bart’s positions on relations between “letters” and a person, and Kristeva’s and Ilyin’s positions on text extension are described here. There are results of the learning and summarizing scientific researches on kinds and forms of the intertextuality, on the duality of reader position according to the work and his/her perception of literature, on the difference of the reading procedure and the interpretation of the text. The report shows the prospects of further studying of the intertextuality in the literary work. The presented material is recommended to all the interested scientists, methodologists, and school teachers as a theoretical and practical basis for making a composition, structure and content of scientific researches and lectures and seminars on Russian literature at school.

Key words: intertekst “dual” position, the procedure for “reading”.

Постановка научной проблемы и её значение. Представленный материал рекомендован заинтересованным ученым, методистам, педагогам-практикам в качестве теоретических и практических оснований при разработке состава, структуры и содержания научно-практических исследований и лекционно-семинарской системы занятий по русской литературе в школе.

Изложение основного материала и обоснование результатов исследования. Начиная с книги “S/Z. Опыт исследования” (1970), выявившей основные мотивы творчества ученого, Р. Барт отказывается от роли чистого аналитика, носителя надкультурного “метаязыка”.

В ней автор отражает стремление исследователя преодолеть современные литературоведческие подходы к произведению: объяснение произведения, предполагающее выявление каузально-генетических связей с внеположными ему социально-историческими и прочими “обстоятельствами”; изучение морфологии (универсальной “грамматики”) литературной формы (область общей поэтики); функциональной (описательной, частной) поэтики, которая строит аналитическую модель конкретного произведения, выявляя внутренние взаимосвязи его элементов и правила их функционирования; герменевтики, чьей задачей является “понимание” и “истолкование” смыслового содержания этого произведения.

Поднимая проблему множественности текста, Барт дает ему четкое определение: “Текст в том современном, актуальном смысле, который мы пытаемся придать этому слову, принципиально отличается от литературного произведения: это не эстетический продукт, это означивающая практика; это не структура, это структуризация; это не объект, это работа и деятельность; это не совокупность обособленных знаков, наделенная тем или иным смыслом, подлежащим обнаружению, это диапазон существования смещающихся следов; инстанцией текста является не значение, но означающее в семиологическом и психоаналитическом употреблении этого термина” [5, 229]. “Хотя нет ничего, – добавляет ученый, – существующего вне текста, не существует и текста как законченного целого, что, от обратного, послужило бы источником его внутренней упорядоченности, согласованности взаимодополняющих элементов, пребывающих под отеческим оком репрезентативной модели: нужно освободить текст от всего, что ему внеположено и в то же время освободить из-под ига целостности. Множественному тексту неведома... грамматика или логика повествования; если временами они и дают о себе знать, то лишь в той мере..., в какой мы имеем дело с не до конца множественными текстами...” [4, 33].

Бартовский текст – это один из изводов интертекста. Термины “интертекст” и “интертекстуальность” в современном литературоведении находятся в процессе становления. Интертекстуальность определяется как совокупность культурологической, лингвистической, литературоведческой, семиологической и философской характеристик, то есть способ мироощущения или философствования человека.

В книге “Ролан Барт о Ролане Барте” автор замечает: “Вокруг меня сплетались новые дискурсы, смещая предрассудки, колебля очевидности, вводя новые понятия: Юлия Кристева, глубоко переменившая весь горизонт семиологии, лично мне дала прежде всего новые понятия параграмматизма и интертекстуальности” [5, 228].

Известно, что понятие “интертекстуальность” опирается на диалогическую концепцию М. М. Бахтина и подробно обосновывается Ю. Кристевой. Она переосмыслила исследование ученого “Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве”, где автор, описывая диалектику существования литературы, отметил, что помимо данной художнику действительности он имеет дело также с предшествующей и современной ему литературой, с которой он находится в постоянном “диалоге”, понимаемом как борьба писателя с существующими литературными формами [2, 373]. “Даже прошлые, – пишет М. М. Бахтин, – то есть рожденные в диалоге прошедших веков, смыслы никогда не могут быть стабильными (раз и навсегда завершенными, конечными) – они всегда будут меняться (обновляться) в процессе последующего, будущего развития диалога. В любой момент развития диалога существуют огромные, неограниченные массы забытых смыслов, но в определенные моменты дальнейшего развития диалога, по ходу его, они снова вспомнятся и оживут в обновленном (в новом контексте) виде” [2, 374].

Барта от Бахтина отличают две особенности. Если Бахтина прежде всего интересовали “диалогические” взаимоотношения между “социальными языками” как таковыми, тогда как отдельного индивида он рассматривал лишь в качестве “воплощенного представителя” этих языков, то у Барта акцент сделан на взаимоотношениях “письма” и индивида, причем подчеркнута отчуждающая власть социализированного слова: в невинном, на первый взгляд, феномене “письма” Барт сумел разглядеть общественный механизм, институт, обладающий такой же принудительной силой, как и любое другое общественное установление [6, 304]. Истина произведения, по Барту, не во внешних обстоятельствах, а в нем самом, его историческом смысле. Понять исторический смысл произведения – значит вжиться в его структуру, увидеть мир глазами произведения, заговорить на его языке, подчинить себя заложенному в нем чувству жизни. Задачей исторической науки, полагает Барт, является реконструкция истори-

ческих смыслов литературы, своего рода воскрешение забытых языков, на которых написаны произведения ушедших эпох.

“Литературное” слово, по Барту, “это одновременно и отсылка к культурной традиции, и реализация риторической модели, оно содержит намеренную смысловую неоднозначность и в то же время является простой денотативной единицей; оно обладает пространственной глубиной, и в этом-то пространстве работает структурный анализ, чья задача гораздо шире, нежели у прежней стилистики, целиком основанной на ложной идее «выразительности»” [5, 220].

Проблема интертекстуальности касается отношения произведения к предшествующим и современным ему произведениям, художественным, публицистическим, философским, научным дискурсам. Подготовленный читатель без труда обнаруживает прямые или косвенные влияния, оказанные на данного автора другими авторами и проявляющиеся в виде прямых или скрытых цитат, реминисценций и т. п. Современная проблема теории “источников” состоит в том, что исследователи склоняются к двум противоположным, но взаимодополняющим подходам: составив “воображаемую библиотеку” прочитанных писателем книг, они либо растворяют его в предшествующем “культурном опыте”, не объясняя его самобытность, либо пытаются негативно подчеркнуть эту самобытность путем простого “вычитания” всех элементов, которыми этот писатель обязан своим предшественникам. Между этими подходами нет противоречия: оба предполагают взгляд на произведение как на индивидуальную собственность автора. Исследователь вынужден выделять элементы произведения, которые имеют “происхождение” в традиции и потому поддаются рациональному объяснению, а также такие, которые находят источник в иррациональном “гении” автора и представляют собой неповторимый вклад писателя в культуру.

Ю. Кристева пересмотрела теорию “источников”. Интертекст она понимает как пространство схождения цитации. Цитату, по Кристевой, следует рассматривать как частный случай цитации, предметом которой являются не конкретные фразы или абзацы, а всевозможные дискурсы, из которых и состоит культура и в атмосферу которых погружен автор. По самой своей природе любой текст есть не что иное, как интертекст, и этот факт способна учесть лишь концепция, рассматривающая литературное “слово” не как некую точку (устой-

чивый смысл), но как место пересечения текстовых плоскостей, как диалог различных видов письма – письма самого писателя, получателя (или персонажа) и письма, образованного нынешним или предшествующим культурным контекстом. Понятно, что интертекст пишется в процессе считывания чужих дискурсов, потому текст есть такое пересечение текстов, где можно прочесть по меньшей мере еще один текст.

Таким образом, бартовский текст можно определить как переакцентуированный интертекст Кристевой. Чтобы как-то упорядочить текстовую множественность, сделать ее хоть в какой-то мере доступной для аналитической объективации, Барт вводит понятие кода – “пространства цитации”, диапазон, в котором располагаются всевозможные культурные “голоса”, сплетающиеся в текст: “то, что мы называем кодом, – это не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код – это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает – вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы... это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершено, пережито: код и есть след этого уже; отсылая к написанному ранее, иначе говоря, к книге (к книге культуры, жизни, жизни как культуры), он превращает текст в каталог этой книги” [4, 45].

Определение понятиям “интертекстуальность” и “интертекст” И. И. Ильина основывается на канонической формулировке Р. Барта: “Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей культуры. Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат. Обрывки культурных кодов, формул, ритмических структур, фрагменты социальных идиом и т. д. – все они поглощены текстом и перемешаны в нем, поскольку всегда до текста и вокруг него существует язык. Как необходимое предварительное условие для любого текста интертекстуальность не может быть сведена к проблеме источников и влияний; она представляет собой общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек” [6, 305]. Множественность текста вызвана не двусмысленностью элементов его содержания, а пространственной многолинейностью означающих, из которых он соткан.

Современное литературоведение выявляет множество типов и форм интертекстуальности: заимствование, переработка тем и сюжетов, явная и скрытая цитация, перевод, подражание, пародия, экранизация, использование эпитафий и т. д.

Интертекстуальный подход предполагает сопоставление типологически сходных явлений как вариаций на общие темы и структуры; выявление глубинной (мифологической, психологической, социально-прагматической) подоплеки анализируемых текстов; изучение сдвигов целых художественных систем, в частности, описание творческой эволюции автора как его диалога с самим собой и культурным контекстом.

Художественное произведение с течением времени меняется. Читатели могут в нем обнаружить новые смыслы, ранее незаметные. И когда в читательском сознании встречаются разные книги, они наглухо замыкаются в себе, как бы не замечая присутствия друг друга, а могут и вступить в диалог, обнаружить свою родственность и зазвучать по-новому.

Наряду с устойчивым историческим смыслом произведение несет в себе множество подвижных смыслов, которые подлежат уже не реконструкции, а, говоря словами Барта, “производству” со стороны читателей.

Любой читатель находится в ситуации своеобразного “диалога” по отношению к произведению: он обладает определенным культурным кругозором, системой культурных координат, в которые произведение включается как в свой контекст. Позиция читателя по отношению к произведению всегда двойственна: он должен уметь видеть действительность глазами произведения (только в этом случае цель художественной коммуникации может считаться достигнутой) и в то же время он видит само произведение как объект, находящийся в окружении других аналогичных объектов, он видит его культурное окружение, исторический фон, видит то, чего зачастую не способно заметить само произведение, знает о нем то, чего оно само о себе не знает, что стоит за спиной его интенции. Ясно, что, поскольку культурные кругозоры читателей индивидуально варьируются, постольку окказиональные смыслы одного и того же произведения “производятся” по-разному даже ближайшими его современниками [3, 34].

Вопрос о восприятии литературы читателем ставится в эссе Р. Барта “Удовольствие от текста” (1973). Важнейшая для Барта мысль

состоит в том, что процедура “чтения”, которой требует текст, должна существенным образом отличаться от интерпретации, которую предполагает произведение [3, 40]. В акте чтения субъект должен полностью отрешиться от самого себя, тем полнее будет его удовольствие от произведения. “Одно только чтение испытывает чувство любви к произведению, поддерживает с ним страстные отношения. Читать – значит желать произведение, желать превратиться в него, это значит отказаться от всякой попытки продублировать произведение на любом другом языке помимо языка самого произведения: единственная, навеки данная форма комментария, на которую способен читатель как таковой – это подражание...” [3, 53].

Эссе Барта “Удовольствие от текста” есть уникальная попытка создать новый тип литературно-критической практики, свободной как от объективизма, так и от безраздельного “вживания”, уничтожающего субъективность того, кто вживается. “Что значит этот текст для меня, для человека, который его читает? Ответ: это текст, который мне самому хотелось бы написать, иными словами, испытать от него удовольствие, переходящее в желание поставить под ним собственную подпись и даже переписать в буквальном смысле этого слова”, – отмечает ученый. “Удовольствие от текста гарантирует его истину”, – продолжает он [3, 55].

Удовольствие от произведения и удовольствие (удовольствие-наслаждение) от текста – это разные вещи. “Позволяя произведению увлечь себя (умело построенным сюжетом, экономно и выразительно обрисованными характерами и т. п.), переживая за судьбу его персонажей, подчиняясь его выверенной организации, мы – совершенно бессознательно – усваиваем и всю его топику, а вместе с ней и тот порядок культуры, манифестацией которого является это произведение: вместе с наживкой захватывающей интриги и душераздирающих страстей мы заглатываем крючок всех культурных стереотипов, вобранных, сфокусированных и излучаемых на читателя романом, стихотворением, пьесой” [3, 56].

Лингвист И. В. Арнольд в своей статье “Проблемы интертекстуальности в художественном тексте” делит в процессе анализа интертекстуальность на внутреннюю (опознанную) и внешнюю (неопознанную), предлагая при этом анализировать не только виды включений (реалии, аллюзии, цитаты), но и их функции в основном тексте [1].

Іменно текст дозволяє аналізу, не утрачивая своєю рефлексивною природою, ліквідувати отчуждающую дистанцію між метаязиком і язиком-об'єктом, а читанню – звільнитися від бездумного гедонізму і придбати аналітичні функції метаязику.

Висновки. Гуманітарні науки, при всьому їх зростаючому могутстві, не спроможні виснажити бездонність культури [7, 4]. Уже в силу самого факта руху історії кожному новому поколінню, нової епохи, культурному формуванню творіння є в абсолютно специфічному ракурсі, якого ніколи не було раніше і не буде пізніше, причому сам цей ракурс є продуктом зацікавленого ставлення до творіння, прагнення включити його в духовну роботу сучасності. Саме тому, будучи породжено своїм часом, творіння відносно не замикається в ньому, але активно залучається в свою орбіту, присвоюється всіма наступними часами. Творіння історично, але в той же час «анахронічно», воно «символічно», так як ніяка історія не спроможна виснажити його нескінченної смислової повноти.

Література

1. Арнольд І. В. Проблеми інтертекстуальності / І. В. Арнольд // Вестн. Санкт-Петербур. ун-та : сер. 2. – 1992. – Вип. 4. – С. 53–61.
2. Бахтин М. М. Проблеми літератури і естетики / М. М. Бахтин. – М. : Художеств. лит., 1975. – 483 с.
3. Барт Р. Вибрані роботи : Семиотика. Поетика / Р. Барт. – М. : [б. и.], 1989. – 616 с.
4. Барт Р. S/Z. Опыт исследования / Р. Барт. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 232 с.
5. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. – М. : Сталкер, 2002. – 288 с.
6. Ильин И. И. Интертекстуальность / И. И. Ильин // Современное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины : энцикл. справ. – М. : [б. и.], 1999. – 320 с.
7. Косиков Г. К. Ролан Барт – семиолог, литературовед // Барт Р. Вибрані роботи : Семиотика. Поетика / Р. Барт. – М. : Прогресс, 1989. – С. 462–518.